

An abstract painting with a warm, textured background of orange and red. In the center, there is a figure composed of various colors like pink, purple, blue, and green, with visible brushstrokes. The figure appears to be wearing a long, vertical pink or red garment. The overall style is expressive and painterly.

12+

Наталия Потапова

Роман для нежных женских душ
(в 2-х частях)

Часть вторая

Наталия Потапова

Роман для нежных женских душ. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38280011

SelfPub; 2020

Аннотация

Ольга Руис Прадо, русская по крови, испанка по воспитанию, швейцарка по жизни, оставшись одна, хочет не потерять себя в жизни. Попытки узнать прошлое делают внешне спокойную и успешную молодую женщину ранимой и беззащитной, но поражение – это не для нее. Кто станет ей другом, а кто предаст, живы ли ее родные, и ради чего она попытается отказаться от своей любви? Увлекательная интрига, юмор, красочные описания путешествий и праздников делают книгу интересной и познавательной.

Наталия Потапова

РОМАН ДЛЯ НЕЖНЫХ ЖЕНСКИХ ДУШ

Часть вторая

В Женеву пришла весна – солнечная, свежая, с долгими, неспешно тающими вечерами. Серый, живущий в раз и навсегда установленном ритме город менялся, хорошел на глазах. В сумерках на поверхности озера искрился, меняя окраску (с приходом тепла включали мощные прожекторы) сверкающий парус знаменитого женевского фонтана. Свежей яркой листвой покрылись старые, в несколько охватов деревья, газоны в одночасье проросли густой травой, пропитанной веселой мозаикой разноцветных примул. Над зазеленевшими лужайками, щедро обрызганными сгустками лиловых и фиолетовых крокусов, над шеренгами молочных и бледно-желтых нарциссов был разлит слабый, но устойчивый цветочный аромат. Предрассветную тишину просыпающегося города разрывало веселое птичье разноголосье, сменившее тревожную переключку ночных птиц.

Окно в спальне Ольги, как и в большинстве многоквартирных женевских домов, выходило во двор. Жильцам дома сказочно повезло – в квартале сохранили часть старинного парка, которая стала их двором. Парковки запретили, и единственным нововведением стали асфальтовые дорожки.

Несколько огромных лип и две развесистые черные ольхи, увитые вечнозелёным блестящим плющом, заполняли все внутреннее пространство. С наступлением тепла открылись полные семян ольховые шишечки; белки и птицы, обитающие на деревьях, старались не упустить такое замечательное угощение. На ночь Ольга оставляла окно приоткрытым – из двора тянуло свежестью, запахом древесной коры и мокрой земли. Вот и сегодня ее разбудило мелодичное, чуть хрипловатое воркование горлицы, укрывшейся в ветвях старого дерева. «Ухуху-ухуху– ухуху ...». Воркует, красавец молодой, подружку зазывает, настойчив в сладких обещаниях...

Сбросив одеяло, Ольга потянулась, сделала несколько дыхательных упражнений и соскочила с кровати, хотя можно было еще поваляться – ведь воскресенье! Прошлепала босиком к окну и, прикрывшись шторой, прижалась лбом к стеклу, пытаясь разглядеть птицу. «А-а, – покачала головой. – Вот ты, сизый, где спрятался». Легонько постучала по стеклу, но самозабвенно воркующий голубь ее не услышал. «Ишь как старается, без пауз, словно звукозапись включил!»

Вспомнилось, как в Испании, в детстве они с матерью выхаживали прилетевшего в дом молодого голубя. Обессиленная (то ли в полете ударилась, то ли от хищников вырвалась) птица вцепилась в поручень террасы и, наклонив голову, старалась рассмотреть выбежавшую Ольгу, даже не попытавшись отодвинуться – горлицы доверяют людям. В руки птица не далась, но воды из блюдечка попила охотно и уле-

тать не захотела. Пока Пилар ездила в ближайший магазин за птичьим кормом, горлица, устроившись на столе и перетаптываясь чешуйчатыми лапками, внимательно прислушивалась к нежному голосу девочки, словно понимая сказанное и успокаиваясь: «Ты моя маленькая, ты моя серенькая, ты моя птичка красивая, – тихо напевала девочка, глядя на прищельца и отчаянно борясь с желанием погладить шелковистую серую спинку и черную полосу на затылке горлицы. Даже руки за спину заложила, чтобы не сорваться...

Порыв ветра заставил Ольгу поежиться, почувствовала, что замерзла. К окну она подскочила нагишом, любила спать без одежды, кожей ощущая тепло и приятную тяжесть толстого шерстяного одеяла. Скорей, скорей под душ, сначала горячий, потом холодный, как обычно. Растерлась досуха и поспешила включить компьютер, кликнула почту.

Роскошный махровый халат остался висеть на вешалке. Прежде любимый хозяйкой, он уже и забыл, когда обнимал ее влажное, хранившее травянистый запах шампуня тело. Разве мог он соперничать с голубой мужской рубашкой, уже стиранной-перестиранной, с чересчур длинными рукавами, с несуразной застежкой на правой стороне? Как привезла ее из Испании, так и не снимает, чудная какая-то...

Забыв про остывающий кофе, отставив в сторону недопитый сок, Ольга уже в который раз тщательно просматривала почту, проверяла спам, заглядывала в архив. Так начинался и заканчивался уже который день подряд. Информа-

ция, письма, реклама, уведомления – масса сообщений, но от Сергея – ничего. Ни-че-го! На всякий случай пролистала память мобильного, проверила автоответчик. Утренний голубоватый экран был как две капли воды похож на вечерний – поменялись лишь время и число.

Майское утро померкло, да и наступающий день как-то не радовал. Чутьем угадывая ее беспокойство, кот Матюша, успевший сытно позавтракать и приступивший к тщательной санитарной обработке своего корпуса, остановился и замер в позе голосующего задней лапой, не сводя глаз с хозяйки. «Да нет, серенький, не волнуйся. Все хорошо» Вздохнув, Ольга потрепала кота по загривку, потянулась и собрала на поднос посуду, закатав повыше рукава рубашки. Незаметно от Сергея вынула её перед отъездом из его дорожной сумки. Запомнила приметку, в детстве сказанную няней – чтобы вернулся. Уткнулась носом в воротничок. Жидкость для стирки была качественная, без отдушки, и Ольге казалось, что она чувствовала запах кожи любимого... Отнесла в кухню посуду, но экран выключать не стала. Пусть хоть какое-то присутствие будет.

Проникший в щель между шторами солнечный свет лег широкой полосой на пол, заиграл бликами на стене, подбираясь к недавно купленной картине. Огромный, занимавший добрую треть стены офорт был надежно защищен от света и пыли специальным почти прозрачным стеклом. Оформление работы вышло дороже самой работы, но с ультрафио-

летом спорить не следовало. В нанесенных талантливой рукой размытых, почти монохромных, но вполне осязаемых очертаниях угадывались то залитые водой камни, то опушка леса в предрассветном тумане, то неясный пейзаж, промелькнувший за окном мчащегося поезда... Смазанные золотистые проблески сулили надежду, в обманчивой неподвижности таилась уверенность и сила. Ольга долго стояла перед картиной, выставленной на вернисаже в известной любителям живописи галерее соседнего городка, погружаясь в зыбкий и такой притягательный мир таланта. Расставаться с картиной не хотелось, художник согласилась на выплату в рассрочку и, когда через три месяца работа оказалась у Ольги дома, она понравилась ей еще сильнее.

Графические работы, как известно, яркого освещения не любят, поэтому Ольга решила задвинуть шторы и приспустить жалюзи. Подойдя к окну, прислушалась. Воркование затихло, голубь то ли улетел, то ли добился желаемого и свидание перешло к следующей стадии. Улыбнувшись, она вспомнила, как испанский голубь быстро освоился и ходил, смешно подпрыгивая, по пятам за маленькой Ольгой, взлетал ей на плечо, пытаясь потереться головкой о щёчку девочки.

– Горлицы не выносят одиночества, – говорила ей мать, расчесывая густые русые волосы дочери. – Ему нужна подруга, он будет ей верен, будет с ней всегда. Станет помогать, вить гнездо, птенцов выхаживать.

– Ну прямо как люди, – простодушно изумилась девочка, зажав в одной руке бархатный ободок и положив другую на колени Пилар. – Да, мама?

– Да, наверное, – после паузы подтвердила женщина. Рано еще ребенку правду жизни разъяснять, придет время, сама все поймет.

А голубя перед отъездом в Женеву удалось пристроить в хорошие руки. Взяла к себе пожилая испанка, которая присматривала за их домом. Кошек она не держала, а муж ее птиц любил и трогательно за ними ухаживал. Поди, и подружка горлице нашлась...

Ольга задержала дыхание, досчитала до пяти и с силой выдохнула. Сладкая боль детских воспоминаний застлала рассудок, себя становилось пронзительно жалко, хотя причина расстройства крылась, конечно, в другом. Прошло уже почти три месяца, а от Сергея не было никаких вестей...

– Ну что ты на пустом месте накручиваешь? – мысленно урезонивала себя Ольга, старательно отчищая любимую японскую кружку от кофейных пятен. – Ведь все идет как договаривались. Согласились не дергать друг друга посланиями, не звонить, чтобы не молиться на эти дурацкие телефоны, вот и правильно. Закончит дела – приедет, так и в прошлый раз было!

– Ты вообще как себе его жизнь видишь со своей женевской колокольни? – для пущей убедительности она потрясла перед носом чайным полотенцем. – Там одни расстояния

чего стоят. До буровых вышек этих еще добраться надо. Где Сибирь и где Москва! А сама компания! Только подумать, какие деньги задействованы. Оборудование суперсложное, людей сколько у него работает, он ведь за все отвечает. Бюрократы на каждом шагу, наплыв комиссий, проверки постоянно присылают, он же рассказывал, сколько времени, сколько сил на это уходит, – разгорячившись, Ольга ‘разумная’ уже всю отчитывала Ольгу ‘безрассудную’. – Разум включи, а не нюни на сахарине разводи. У него каждый день на месяцы вперед расписан.

Решительным жестом убрала кружку в шкаф, повесила на крючок полотенце и, уговаривая себя ‘безрассудную’, Ольга ‘разумная’ дрогнувшим голосом добавила: «Не может же он вот так все бросить и умчаться в какую-то Швейцарию». Прозвучало вроде бы убедительно, но тут обозначил свое присутствие маленький такой, но очень настырный червячок сомнения, тихо произнесший: «Описание его насыщенной жизни захватывает и убеждает. А вот твое место в этой жизни где?». Сомнения, опустившиеся было на дно, оживились, поднялись на поверхность, в груди защемило от их резких толчков. Ну уж нет, она не даст волю отчаянию, возникшему на пустом месте, да еще в такой прекрасный весенний день! Подступающую тоску надо было глушить на корню и Ольга, чтобы успокоиться, решила сесть за руль, проехаться немного и, может быть, подняться в Сен-Серг, крошечный городок в горах. От Женевы на машине меньше часа. Смешанный

лес у подножья, огромные одинокие ели на поросших густой травой склонах, старые грунтовые дороги, где скорее встретишь пешеходов, чем автомобиль, чистый воздух и тишина – проверенное лекарство от душевных переживаний. Излечить не излечит, но успокоит и сил добавит, проверено на практике. Обула крепкие горные ботинки, набросила теплый шарф (в горах прохладно!) и, захватив большую бутылку минеральной воды, спустилась в подземный гараж.

На улице, по-воскресному тихой и пустынной, ветер лениво полоскал мини-афиши, наклеенные на прозрачные дверцы газетных тумб. На выезде из гаража она притормозила, и в глаза бросились заголовки: «Книжный салон Женевы открыт», «Книги всего мира на берегах Женевского озера». Как же она забыла об этом! Вот куда надо немедленно отправиться. Развернувшись, вернулась в гараж и поднялась к себе, чтобы переодеться. Не в горных же ботинках вышагивать по выставке! Джинсы можно оставить, клетчатую рубашку заменила на бледно-голубую шелковую блузку, а плотную ветровку оставила дома, набросив на плечи любимую кожаную куртку, мягкую, поношенную, цвета осенних листьев.

Машину оставила в гараже: в пяти минутах ходьбы от дома остановка автобуса, который за полчаса довезет до выставочного павильона. Кстати, на городской транспорт у нее месячный абонемент, а на выставке парковка в разы дороже обойдется. Через несколько минут она уже сидела в полупустом автобусе. Как всегда, по нерабочим дням машин

было немного, воскресная тишина казалась нереальной. За окном проплывал ухоженный, чисто промытый город, главным украшением которого были массивные, аккуратно подстриженные липы и платаны, распутившие парашюты блестящей зеленой листвы. Не знающие прикосновения копоти стекла сверкали, бесшумные трамваи перед выходом на линию были вымыты до блеска, витрины закрытых по воскресеньям магазинов радовали глаз умелой подсветкой и стильным современным оформлением. Однако чинное обустройство города было кое-где нарушено. Пестрые, плодящиеся как опята и пропитанные острыми запахами турецкие, африканские, индийские лавочки, двери которых закрывались только на ночь, едва ли выглядели ухоженными и чисто промытыми. Однако на передний план они – пока! – не выходили и на общее впечатление от города не влияли.

«Пожалуй, Швейцария единственная страна, которая в реальной жизни выглядит так же, как на цветных открытках», – про себя усмехнулась Ольга. Отрада для туристов и ревнителей старины, почему бы и нет? Утренняя тоска затаилась, перспектива побродить в свое удовольствие по выставке подняла настроение, захотелось выпить кофе и поскорее отправиться в свободное плавание по книжному океану. Город оставался позади, за рядами деревьев показались прямоугольные серые постройки. «Выставочный комплекс. Конечная остановка» – известил приятный женский голос, двери распахнулись, и Ольга легко соскочила на тротуар. Выну-

ла из кармана куртки мобильник и опустила его на дно объемной сумки, предусмотрительно увеличив громкость звука. На выставках всегда многолюдно, шумно, звонок можно и не услышать...

* * *

Перед отъездом Сергей, отдав Вере Федоровне последние распоряжения, зашел к себе в кабинет. Сел за рабочий стол, открыл папку с подготовленными документами. Первым лежал отчет Измаила, коммерческого директора. Составлен профессионально, лаконично. Ничего лишнего, все по делу. Он поставил свою подпись и, отложив отчет в сторону, придвинул к себе телефон. Не глядя, нажал кнопку.

– Измаил, зайди, пожалуйста, ко мне. Да, срочно.

Через пять минут в дверь кабинета постучали. Сергей вышел из-за стола, быстрыми шагами приблизился к вошедшему Измаилу, слегка приобнял его, похлопал по спине. И только после этого протянул руку. Измаил улыбнулся и чуть задержал руку Сергея в своей. Он не скрывал радости от встречи, ведь их отношения выходили за рамки офисных. Так встречаются друзья.

Можно сказать, что дружба Сергея и Измаила была в известной степени наследственной. Вернее, начало ей было положено их дедами-десантниками, Михаилом Николаевичем Апраксиным и Асланом Гаревым. Чтобы понять, как это произошло, нужно обратиться к событиям не столь далекого прошлого...

В зажатой горами долине на территории одной из тогдашних советских республик шли учения ВДВ. Отрабатывался марш-бросок, в котором маршу не было места – его постоянно заменял бег. И в этот раз десантники бежали так давно, что фактор времени потерял всякий смысл. Бежали тихо, отключив все чувства, кроме двух: слуха и зрения. Нормативы марша-броска, предусмотренные в Уставе, в ВДВ корректировались на повышение. Что для десантника главное? Правильно: кураж и отличная физподготовка.

Задачу свою разведгруппа выполнила, безопасность движения основной колонны к месту дислокации была обеспечена. Бегущий впереди командир группы Михаил Апраксин поднял вверх руку, покрутил указательным пальцем. Впереди – долгожданный отдых. Но на землю Михаил опустился не сразу. Служба на Кавказе научила его осторожности. Он, как собака, покрутился на месте, заткнул обломками ветки паучьи норки и лишь после этого сел на жесткую траву. Рядом с ним, как всегда бесшумно, опустился на землю его друг Аслан.

Кавказец Аслан не сразу вписался в воинский коллектив. Дедовщина в разведке ВДВ не поощрялась, но немногословие и вспыльчивость Аслана кое-кто из старослужащих воспринимал как заносчивость и неуважение к старшим по сроку службы. Как знать, к чему могло привести такое недопонимание, если бы не авторитет Михаила. Его семья была из «рассказаченных», сосланных из родных мест в Сибирь. Со-

хранившиеся в семье предания о жизни в казачьих станицах, пионер Миша хорошо запомнил, а общение с кавказскими друзьями отца научили его понимать обычаи и устои горцев. Старлей не позволил унижать парня, а преданность и уважение Аслана были закреплены статусом Михаила как «старшего» – и по возрасту, и по званию.

– Здорово ночевали, станичники, – обратился к сидящим сержант Саша, химик-дозиметрист, опустившись рядом и брякнув о землю своими доспехами-измерителями всех видов защиты.

– Здорово, коли не шутишь, – за двоих ответил Михаил. Аслан промолчал и отвернулся. Он недолюбливал сержанта, считая его пустым и несерьезным человеком. Но среди бойцов Сашок пользовался популярностью, ребята привыкли к его южнорусскому разговорному суржику, их веселили его подначки, шутовство, они жадно внимали его рассказам о галантных похождениях, полных щекочущих воображение подробностей... Сержант достал пачку дешевых армейских сигарет, выбрал наиболее полную и закурил, стараясь не выпускать дым в сторону Аслана. – Ну что, хлопцы, скучаем? Ничем не пахнет?

– Твоим вонючим табаком и – сидевший рядом боец втянул носом воздух, – вроде серой пахнет, как яйцами протухшими.

– О то ж, – неожиданно серьезно подтвердил химик. – Мне знакомая шепнула, что туточки источники горячие име-

ются. Хотя с недугами у нас все пучком – он почему-то взглянул на жилистого Аслана – а вот усталость не мешало бы снять... как в сказке о живой воде.

Все разведчики разом повернули головы в направлении командира. Старлей нахмурился, строго посмотрел на свое воинство, взглянул на часы и... Махнув рукой, сказал: – А давай! «Почему бы и не окунуться? Вернёмся в казарму бодрыми и отдохнувшими».

Для бывалых разведчиков найти источник – плевое дело. Это ж не затаившегося снайпера обнаружить! Через десять минут они уже стояли перед небольшой, метра три в диаметре серо-зеленой пузырящейся лужей, от которой исходил запах преисподней. Вот-вот из этой жижи и души грешников всплывут...

Из ступора всех вывел зычный голос командира: – Расступилась вдруг перед нею мать сыра-земля, и разверзлася вся преисподняя огненная ... – В дополнение к недюжинной силе, Михаил был единственным в разведгруппе с высшим образованием и знал два иностранных языка. – Ну, кто первый?

Разделись быстро, но прыгать в жижу никто не спешил. Аслан замешкался, полагая армейские трусы частью собственного тела. Воспользовавшись паузой, Сашок поощрительно хлопнул себя по мускулистым ляжкам и провозгласил: – Минуточку внимания, бойцы! А ну, проверим на деле, кто у нас самый крутой. Аслан, твой выход!

Все произошло в считанные секунды. Вместо того, чтобы постепенно войти в воду, опираясь для страховки на заготовленные лаги, Аслан, коротко разбежавшись, прыгнул в источник. Послышался какой-то хлюпающий звук и голова парня исчезла под водой.

Разведчики замерли. Почти ни для кого не было секретом, что температура в глубине термальных источников доходит до 60 градусов! Все ждали, что вот-вот появится голова Аслана, он выбросит вверх руку с поднятым большим пальцем и позовет товарищей разделить его радость. Но Аслан плохо плавал...

Михаилу это было известно. Ни секунды не мешкая, он бросился в серный раствор. Нырнуть головой и вытащить Аслана руками старлей бы не смог. Поэтому он солдатиком погрузился в глубину, ногами нащупал тело товарища, зажал его как тисками и потянул наверх. Еще усилие и вот они оба выбрались на край ямы.

Реакция на случившееся была неожиданной: вместо командирского рыка и возгласов сочувствия раздался гомерический хохот, причем громче всех смеялись сами незадачливые купальщики. Взору открывалась, что называется, картина маслом: у края источника сидели две здоровые гориллы, не успевшие разомкнуть объятия. Весь волосяной покров их ошпаренных тел был густо покрыт ржавым мхом. Это были уже не сослуживцы, а братья, и не по оружию, а по происхождению...

Демобилизовавшись, друг друга из виду не потеряли. Виделись, правда, реже, чем хотелось бы, но каждое второе августа созванивались, и первый тост за столом каждого поднимали за боевого друга. И когда много лет спустя в семью Аслана пришла беда – страшная, кровавая, необъяснимая современному человеку – и стало ясно, что самому ему не выкарабкаться, он обратился к своему побратиму, однополчанину-десантнику из далекого сибирского города. К единственному человеку, от которого мог бы принять помощь суровый кавказский старик... Впрочем, об этом ниже.

Пока же вернемся в кабинет, куда Сергей зачем-то вызвал Измаила.

– Что-нибудь не так с отчетом? – Измаил с беспокойством взглянул на лежащую на столе папку.

– Нет, с отчетом все нормально, хотя и есть вопросы, вернее, вопрос. Присаживайся.

Измаил насторожился.

– Ты пишешь, что дизельные генераторы будут получены в третьем квартале. А ведь мы их оплатили еще в январе. Поставщики клялись завершить поставки к началу второго квартала. Ты ведь знаешь, как их ждут на участках. Старые уже на ладан дышат. Что произошло?

Собеседник угрюмо понурился. – Моя недоработка. Расслабился, когда сообщили, что генераторы готовы к отправке.

– А что произошло? Адресом ошиблись?

– Соседи подсуетились. Мы проверили – негласно, сам понимаешь– и выяснили, что их представитель посетил завод и, если сказать по-книжному, «простимулировал принятие нужного решения». Им в первую очередь поставят.

– А предотвратить такое развитие событий нельзя было?

– Легко. Но мы на это не пошли, положились на честность заводских. И потом ты сам всегда против таких схем выступаешь.

Поразмыслив, решили сменить поставщиков и дать службе безопасности наказ проверить, нет ли утечки информации. Измаил поднялся. Но Сергей, откинувшись в кресле, жестом остановил его. Измаил почувствовал, что есть еще что-то важное, какая-то основная причина, ради которой его и вызвали.

– Измаил, ты наверняка знаешь, что я отлучусь на несколько дней.

Измаил кивнул.

– Короче, на хозяйстве остаешься ты... с полным пакетом полномочий на принятие решений. Соответствующий приказ подготовлен. В особых случаях – выходи на связь. Я тоже тебя по пустякам беспокоить не буду.

И, сверкнув улыбкой, наклонился доверительно.

– Жениться решил. Хозяйку привезу. Будем теперь семьями дружить, – снова откинулся в кресле и предупредил. – Только пока никому не слова. Лады?

– Брат, не знаю, что сказать, – Измаил покрутил головой,

словно не веря услышанному. – Рад за тебя. Очень рад. Счастья тебе!

Сергей обошел стол и друзья крепко обнялись. Отстранившись, он легонько ткнул Измаила в плечо.

– Да, и вот что забыл сказать. Не гоняй ты народ с кружками. Пусть подкрепляются, да и стресс снимают.

Измаил не выносил сотрудников, на ходу жующих или прихлебывающих из кружек.

– Какой такой стресс? О чем ты? Они же на работе! Посетитель в солидную фирму приходит, а навстречу ему чел с кружкой, кофе прихлебывает, брызги летят.

Обычно сдержанный Измаил не смог сдержать возмущения.

– Давай пусть тогда, чтоб без стресса, в тапочках ходят, массажные аппараты на ходу задействуют, маникюр-педикюр делают.

Сергей звонко расхохотался, живо представив нарисованную Измаилом картину.

– Как можно на ходу есть? – не мог успокоиться впитавший лучшие кавказские традиции и.о. генерального директора. – Хочешь покушать – иди в кафетерий, поешь нормально, если дома некому приготовить.

– Измаил, тебе страдалцев не понять, – глаза Сергея искрились. Он давно не видел своего друга таким рассерженным. – Ты у Мдины как сыр в масле катаешься. Давай не нагнетай, – Он снова коснулся плеча невысокого Измаи-

ла. — Снисходительнее надо быть к людским слабостям.

— Как скажешь, — буркнул затихающий Измаил. Он не понимал и не принимал снисходительности, но спорить с начальником, даже если тот был его другом, не стал. — Будем думать, что можно сделать, и обязательно сделаем.

* * *

Как-то так получается, что на любых выставках — от роскошных международных автосалонов до благотворительных базаров силами местных рукодельниц — царит атмосфера праздника. Словно к радушным хозяевам пришли долгожданные гости, для которых расстелены самые дорогие ковры, выставлена самая красивая посуда, приготовлено самое вкусное угощение. Улыбки не сходят с лиц устроителей: стендовики, представители фирм радушно приветчают гостей, желая им понравиться. Они внимательны и предупредительны к малейшему желанию посетителей, и ни один, даже откровенно нелепый вопрос не останется без ответа. А как же иначе? Сегодня гость, а завтра может стать покупателем, контракт выгодный нарисуетя....

Но книжный салон все же от других выставок отличается. На стендах, на столах, даже на полу стопками выложены сотни экземпляров величайшего (после пороха, конечно) человеческого изобретения — печатной книги. Новейшие технологии книгопечатания не смогли стереть разлитый в воздухе чудный, дразнящий запах новой, еще ни разу не раскрытой книги. Приглянувшееся издание можно взять в ру-

ки, полистать, ощутить прикосновение бумаги, когда-то бывшей большим зеленым деревом, полюбоваться иллюстрациями. Книга впустит тебя в иной, созданный другим человеком мир, будь то роман, комикс или рассказ о тайнах древних культов. Ну как тут удержаться от покупки, сулящей общение с новым интересным собеседником. А уж если это знакомый, да еще и желанный собеседник...

Несмолкающий гул движущейся толпы, возгласы, звонкие голоса детей, всполохи радиорекламы, усиленные микрофонами выступления участников разнообразных «круглых столов», доносившаяся отовсюду музыка совсем не раздражали Ольгу. Напротив, ей стало как-то легче дышать, хотя в огромном помещении было довольно душно. Казалось, устроители начисто забыли о необходимости экономить электроэнергию и снижать парниковый эффект – во всю мощь сияло многоликое освещение, усиливая неприятный химический запах от синтетических ковровых покрытий. Однако вряд ли кто-то из посетителей обращал на это внимание – разве что пребывающие в постоянном неудовольствии стареющие дамы, ревностно следящие за неблагоприятной для кожи лица сухостью воздуха.

Позитивная энергетика людской массы заразила Ольгу, она растворилась в движущемся от стенда к стенду потоке, на время отрешилась от собственных переживаний. Где, как не здесь, можно полистать понравившуюся книгу, поговорить с людьми из издательств или даже с автором, послушать

мнения участников круглого стола, горячо убеждавших друг друга в собственной правоте! Перед натиском новой информации, перед кружением калейдоскопа незнакомых лиц отступали навязчивые воспоминания, и плечо уже оттягивала вместительная холщовая сумка, наполненная покупками – несколько новых программ, ридер с удобной для глаз подсветкой, игровая подставка для Катиного Коли и, конечно, книги.

Ольга развернула план-проспект выставки. Так, где тут у нас сектор С? Ей хотелось найти стенд независимых местных художников. Энтузиасты ручного книгопечатанья, они выпускали небольшие, в четверть авторского листа книжки, сами придумывали текст и рисовали иллюстрации. Графика была талантливой, технически безупречной, текст – остроумным, чаще всего пародии на рекламу или происхождения куклы Барби и К. Ольга старалась не пропустить ни одной их книжки. Однако поиски пришлось притормозить. Уставший и проголодавшийся организм требовал отдыха и подкрепления. Купив у стойки бутерброд и стаканчик крепкого кофе с сахаром, она отыскала свободный столик и с наслаждением опустилась на пластмассовый стул. Аккуратно вытаскивая бутерброд из бумажного пакета, бросила взгляд напротив и, досадливо крякнув, постучала себя по лбу. «Вот балда!».

Наискосок от кафетерия сверкала всеми красками радуги выкладка издательства детской литературы. Дети и взрослые теснились у столов и этажерок, заставленных яркими

книжками на все вкусы и возрасты. «Как же я могла забыть», – укоряла себя Ольга. Собственно, ведь за детскими книгами она и пришла на выставку. У Мануэлы через месяц день рождения, Ольгу пригласили заранее, хоть и праздник-то семейный. Дочери будут с мужьями, внуки маленькие, которым Ольга и хотела подарить какие-нибудь хорошие книжки. «Ну, ничего, сейчас доем и занырну в детские книжки, а потом до графиков доберусь», – думала Ольга, с аппетитом жуя теплую булку, щедро наполненную хрустящими листьями салата, помидорами и сочным розовым тунцом.

Допив кофе и задвинув стул, она шагнула к урне, чтобы выбросить мусор, но обернулась, услышав знакомый голос. Стоявшая к ней спиной молодая женщина буквально атаковала консультанта издательства. «Почему вы говорите, что книги этого автора особенно популярны у девочек? Она что, популяризатор мифа о розовых принцессах?» И, жестом остановив своего собеседника, пытавшегося объяснить скрытые достоинства сочинения известной телеведущей, почему-то вообразившей себя детской писательницей, женщина продолжала: – Нет, я никого не осуждаю, просто высказываю свое мнение и вполне допускаю, что и у этой тематики есть свои читатели, но, знаете, я не из их числа.

– Впрочем, – добавила она более примирительным, но по-прежнему требовательным тоном, – вы можете порекомендовать мне какие-нибудь качественные цветные комик-

сы. Но только познавательные! Пожалуйста, никаких упрощенных пересказов классики и японских ужастиков.

– Для какого возраста? На пять-шесть лет, – по-прежнему не поворачиваясь, женщина проследовала за консультантом. Батюшки, неужели это Режин? А кто же еще может так влет, напористо и не задумываясь высказывать свое мнение?

Конечно, это она. Но как изменилась! Небрежно заколотые на затылке волосы, льняная серая ветровка, безразмерные штаны-алладины, за спину закинута сплетенная каким-то африканским ремесленником торба, на ногах – мягкие удобные мокасины. И это отчаянно пикантная Режин, которую невозможно было представить без умело подведенных глаз, безупречного макияжа, дерзкой челки, в туфлях без каблука – казалось, она и родилась в лодочках на шпильках. Да еще и с детскими книжками под мышкой!

Ольга, сдерживая нетерпение, дождалась момента, когда дотошная Режин, рассчитавшись за покупку, уступила консультанта другим посетителям, терпеливо дожидавшимся своей очереди. Негромко окликнула подругу. Та охнула, уронила на пол тяжелый пакет и бросилась в объятия Ольги.

– Ты вернулась! Когда? Почему не объявилась? – отводя волосы, заслонившие лицо подруги, Ольга пристально вглядывалась в ее черты, пытаясь понять, какие неуловимые изменения произошли в ее облике. Режин словно нарисовали другими красками. Яркий, привлекающий взгляды синтетический акрил сменила бархатистая масляная пастель, в

движениях женщины появилась не свойственная ей раньше неторопливость.

– Не сердись, я буквально на днях приехала. Клянусь, что собиралась позвонить, но как прекрасно, что мы встретились! По телефону я бы не сумела толком рассказать, – француженка провела рукой по Ольгиной щеке и, не сдержавшись, вновь обняла подругу. – Как же я рада тебя видеть! Идем, идем сядем поскорее, пока стулья свободны.

Она потянула за собой Ольгу, та едва успела подхватить сумку. Вот так встреча! Ольга шутливо подергала подругу за рукав, словно не веря ее внезапному появлению.

– Слушай, ты прекрасно выглядишь! Помолодела как-то, свежестью так и дышишь. Неужели за океаном климат такой благодатный? – Про себя подумала: «Раньше как пантера перед прыжком была, как пружина сжатая. А сейчас – ну только что не мурлычет, такая кошечка домашняя». – Ну, рассказывай, рассказывай скорее, как ты там Новый Свет покоряла, – затеребила подругу Ольга. Подвинулась поближе, приготовилась слушать, упершись подбородком в сцепленные кисти рук. Но обычно говорливая, как большинство французов, Режин с ответом не спешила. В ее голосе появилась какая-то неспешная мягкость, она словно подбирала слова, стараясь и не солгать, и не сказать лишнее. Пытливо взглянула на Ольгу, поправила зацепившийся за ножку стула рукав ветровки.

– Я теперь в другой роли. Уже не нападающий на поле,

а скорее вратарь, защищающий свои ворота. Да и матч вроде закончился, — она повернула голову, искала взглядом в толпе кого-то невидимого. Видимо, нашла, так как ее губы тронула легкая улыбка. Впрочем, все по порядку...

Однако продолжить ей не удалось.

«Мама?» Ольга машинально пододвинула стул, пропуская подбежавшую к ним девочку. Хорошенькая маленькая девочка в малиновой стеганой курточке. Личико цвета молочного шоколада, сияющие черные глаза, в каскаде курчавых волос затерялась перламутровая заколка в форме бабочки. «Мама?» Ольга растерянно перевела взгляд на Режин. Удивил не цвет кожи: кого в сегодняшней Европе удивишь «приятно смуглявенькими» детишками. Удивил возраст: на вид девочке было никак не меньше пяти лет. Режин обняла ребенка, поправила на ней курточку, пригладила волосы.

— Так, что скажет тете воспитанная девочка?

— Здравствуй, — девочка приподнялась на цыпочки, подставив щечку для поцелуя. — Меня зовут Глория, а тебя как? Оль-га... Девочка забавно сморщила носик, сделав ударение на втором слоге.

— Оль-га. Красиво. Но самое красивое имя Режин. Так мою маму зовут, — победно взглянула и, схватив за руку приобнявшую ее Режин, прижалась щекой к ее ладони. — А я от папы убежала! — похвасталась. — Теперь он меня не найдет!

— Козочка, что же ты наделала, — забеспокоившаяся женщина привстала, вглядываясь в окружающих. — Папа будет

волноваться, где ему тебя искать?

Пританцовывая, девочка тоненьким голоском пропела «А вот и нет, а вот и нет.» И бросилась к стоявшему у стенда напротив невысокому мужчине, который, стараясь казаться серьезным, укоризненно качал головой. Он приветливо помахал подругам, но подходить не стал. Взял девочку за руку и увел вглубь, где с полукруглой эстрады герои мультиков читали юным посетителям их любимые сказки.

– Это надолго, – удовлетворенно заметила Режин. – Теперь можем спокойно поговорить. Ну что, подруга, ты все поняла?

Поправляя волосы, подняла левую руку. На безымянном пальце блеснул золотой ободок обручального кольца.

– Да-а, удивила, ничего не скажешь, – протянула Ольга, пытаясь осознать увиденное. – Но все-таки – как же ты решилась? – про себя добавив «после стольких лет холостяцкой жизни». И не смогла сдержать мягкой улыбки. – Но Глория прелесть какая!

– Просто мне в жизни наконец-то повезло. Повезло, да еще как! Случайный выигрыш в Рождественскую лотерею. И мужа нашла, и ребенка уже подращённого – ни памперсов, ни ночей бессонных.

Ольга недоуменно взглянула на подругу. Что это она такое говорит?

– Ха-ха-ха, – залилась звонким хохотом Режин. – Что смотришь? Это я тебе одну из своих тетушек цитирую. Про

подрощенного ребенка высказалась, как в граните отлила! – Вмиг посерьезнев, объяснила. – Мы ведь почему все так втихоря сделали – и поженились, и в Дивонн переехали? Надо было постепенно родню подготовить, чтобы Глорию не травмировать. – Помолчала, теребя завязки своей ветровки.

– Ты уже догадалась, что она дочь Матиаса от первого брака. Мать умерла, когда Глории и двух лет не было. Он за нее знаешь, как бился? Кубинские бабушка с дедушкой, тетки не соглашались ее отцу в Европу отдавать. Да-да, – опережая закономерный вопрос подруги, ответила. – По закону отец имеет все права, но Матиас хотел с родственниками договориться, чтобы без обид, по-хорошему.

– Глория не может не понравиться – это надо колодой бесчувственной быть или дрянью какой-нибудь, чтобы не проникнуться таким ангелом. Но мне, но я ... она мне в сердце вошла, моей девочкой, доченькой стала... Никогда не думала, что смогу так любить... – глаза Режин предательски заблестели.

Потрясенная силой ее чувства, Ольга крепко сжала руку подругу. Режин, понизив голос, продолжила.

– Знаешь, мы один раз с ней гулять пошли. И вдруг собачка выскочила. Я-то собак не боюсь, да и пес был настроен мирно, только размер у него был впечатляющий, для ребенка вообще монстр. Я Глорию успокаиваю, псу что-то ласковое сказала, он уши развесил, хвостом всю машет. А она, моя маленькая, испугалась, спряталась за меня, коленки мои об-

няла и головку между ног прячет... Меня как током ударило. И все. С тех пор – она моя. Единственная и неповторимая. Моя дочь.

Предательского блеска в собственных глазах Ольга увидеть не смогла, а вот влагу ощутила. Наклонила голову, прижала к глазам носовой платок. «Вот те на, – Режин осеклась, с изумлением глядя на подругу. – Не ожидала... наша ледяная красотка какая чувствительная оказалась!»

Оглянувшись по сторонам, облегченно вздохнула «Хорошо, что Глория не видит, а то сразу бы утешать бросилась, сама могла расплакаться». Ольга притворно закашлялась, опустила голову. Положение следовало немедленно исправить; не время и не место ранимость свою выказывать.

Режин поднялась, сделав вид, что не замечает состояния подруги. «Подожди, я сейчас». Поспешила к ближайшему бару. Вернулась с двумя наполненными пластиковыми бокалами.

– Подруга, это, конечно, не «Дом Периньон», но нечто холодное и пузырится. Уверяли, что шампанское. Давай-ка за встречу! Чин-чин!

– Нет, давай сначала выпьем за тебя, за твое славное семейство! – от волнения Ольга задела рукавом недопитый бокал, и мягкая затертая замша ее куртки моментально впитала благородный напиток. Она только махнула рукой.

– Да ладно, это неважно. Расскажи лучше, как вы познакомились, Какой он, твой муж? Я ведь его даже не разгляде-

ла, но вроде симпатичный.

– Крепыш такой. Ну, да я всегда питала слабость к коренастым, – француженка лукаво сощурилась, словно пытаюсь спрятать заплывавших в глазах бесстыжих чертиков и став на мгновение прежней Режин – кокетливой, по-мушкетерски готовой к поединку, отчаянно бравирующей своей сексуальностью.

– А познакомились забавно: у тротуара была лужа... Матиас затормозил резко и обрызгал меня с ног до головы... Плащ был светлым, новым, настроение – отвратительным, а тут еще этот чурбан. Я его зверски обругала, и сама знаешь какой жест показала...

Вышел, извинился, отъехал, опять вышел, опять извинился, отъехал. И так до тех пор, пока я не засмеялась... Ухаживал как старый дед: кафе, кино, прогулка на катере... Ну, швейцарцы славятся своей приверженностью к традициям. Равно как и некоторой заторможенностью.

Наконец романтический, при свечах ужин в ресторане. Сказал, что есть дочь, что он вдовствует. Можешь смеяться, но для меня семейное положение близкого друга всегда имело значение – никаких романов с женатиками, – Режин пожала плечами, как бы удивляясь собственной косности. – Суровое католическое воспитание сказывается. Потом мы стали любовниками...

Ольга невольно отвела глаза, так как Режин обычно давала краткие, но вполне емкие характеристики мужских спо-

собностей своих приятелей. Но в этот раз ограничилась только одной фразой. «Мне было с ним хорошо». Добавила дрогнувшим голосом: «Он заботится обо мне. Помнит, что я ногу вчера натерла, утром мне в душ пластырь несет, чтобы волдырь заклеила». И тут же, словно устыдившись, что выдает сокровенное, по-девчоночьи похвасталась: – А ведь он красавчик! Я как-то пригляделась, в профиль ну просто Антонио Бандерас, хоть и не андалузских кровей. Глория на него похожа, а когда подрастет, вот уж красавицей станет!

– Знаешь, на нее уже сейчас все оборачиваются, – нотки восторга, появившиеся в голосе Режин при упоминании Глории, моментально перешли в звучные аккорды. – А до чего сообразительна, все на лету схватывает. Ты заметила, какое у нее произношение? Слух безупречный, один раз песню услышит – тут же напоет, причем с модуляциями прямо-таки джазовыми... Ой, я совсем заболталась, надо бежать: Глория сегодня плохо завтракала, ей давно пора обедать!

– И всё-таки какая удача, что мы встретились, – Режин подобрала с пола сумку, обняла и расцеловала Ольгу. – Обязательно повидаемся в самое ближайшее время.

Расстались, договорившись созвониться. Однако со стороны Режин не последовало ни обещания познакомиться с мужем, ни приглашения в гости.

Уже дома, ставя мобильник на зарядку, Ольга вспомнила, что Режин, раньше весьма живо интересовавшаяся личной жизнью своей подруги, практически ни о чем ее не расспро-

сила. Похоже, что сегодняшнюю Режин волновало только то, что касалось Глории и Матиаса. Особенно Глории.

«Вот так метаморфоза!» – не переставала удивляться Ольга, разбирая покупки. Режин, которую она не первый год знала, всегда подтрунивала над хлопотливой Мануэлой, откровенно скучала, когда говорили о детях, и превыше всего ценила собственную независимость. Откуда в этой кокетливой, дразняще-сексуальной, деловой женщине на исходе третьего десятка такое чувство стаи, семьи, для которой ее ребенок идеал и само совершенство, и которая готова защищать любой его поступок? А-а, ведь у нее итальянская бабушка, сумасшедшая поппа... «Ну может хоть это что-то объяснит», засыпая, подумала Ольга.

* * *

– Позволь тебя еще раз предупредить, чтобы ты утром плотно не завтракала. Ну, да ты и так ничего не ешь, – Мануэла очень хотела впечатлить испанку (а Ольга в ее представлении была еще и испанка, т.е. историческая соперница) настоящими португальскими яствами, хотя, откровенно говоря, Ольга была приглашена на праздничный обед с вполне определенной, далекой от гастрономии целью.

– Будут только наши национальные блюда, все домашнее. Тетя Амалия сегодня из Лиссабона прилетела, ящичек свежих сардин сумела привезти, представляешь? Вообще-то, по традиции у нас едят по-настоящему вечером. А утром и днем только перекусывают. Но здесь мы уже приучились обедать

днем, вот где-то к двум все и соберутся...

– Все, прости, потом поговорим, меня на кухню зовут, – раскрасневшаяся от хлопот Мануэла сунула мобильник в карман и заспешила в другой конец дома, где просторная, выложенная бело-голубыми расписными изразцами кухня напоминала растревоженный муравейник. Коробки, сумки, мешочки домашних сухофруктов, оплетённые бутылки. Постаралась не только тетя Амалия: приехавшие родственники обеспечили прямые поставки из Португалии. От наполнивших дом запахов кружилась голова...

На следующий день муравейником казалась уже не только кухня, но и весь небольшой двухэтажный дом, украшением которого являлись две просторные террасы, увитые душистой жимолостью. На лужайке перед домом с шумом резвилась детвора, многочисленные гости – и группами, и в парном плавании – оживленно обменивались новостями, не переставая наведываться к накрытым на террасах столам, чтобы отдать должное знаменитым *petiscos* (закускам). Что там наведываться – от них вообще отходить не хотелось...

Ах, какой аромат источали теплые, тающие во рту крошечные пирожки с мясом, с курицей, с красной наперченной колбасой и, конечно, с начинкой из картофельного пюре и трески! Можно ли не возвращаться за добавкой к разнообразнейшим дарам моря, первенство среди которых принадлежало, разумеется, малюсеньким кальмарам в собственном чернильном соку, можно ли насытиться горячими куриными

потрошками в обжигающем соусе пири-пири, хрустящими копчеными свиными ушками в домашнем маринаде, ломтиками ветчины на свежих фиолетовых фигах или на кусочках янтарной дыни?

«От одного аромата угоришь!» – сказано как будто про запах зеленого супа, легким облачком вырывающегося из-под крышек глиняных супниц: его едят с тёмным кукурузным хлебом, предварительно уронив в тарелку обжаренный кусок жирной наперченной колбасы. И ведь это только прелюдия, разминка перед основными блюдами!

Кивком поблагодарив официанта, Ольга взяла с подноса бокал, наполовину наполненный яркой рубиновой жидкостью. Портвейн молодой, она, следуя совету Мануэлы, не завтракала, поэтому для закуски взяла орешков. Но насладиться дарами солнечного Порто Кале Ольга не успела.

– Позволь представить тебе Тяго, племянника моего мужа, – улыбаясь, Мануэла приобняла свою гостью и, поправив ниспадающий воротник ее сиреневого шифонового платья, развернула Ольгу навстречу приближающемуся молодому человеку. И, словно вспомнив что-то, всплеснула руками. – Ах, совсем забыла проверить, накололи ли льда к напиткам. – «Неуклюжий предлог придумала, кто спорит, но ребят сразу надо оставить вдвоем, так она еще с вечера решила». И застучала каблучками прочь.

Ольга едва не поперхнулась. К ней приближался оживший Рудольфо Валентино, роковой красавец немого кино.

Ну, может, чуть выше и спортивнее, типа знаменитой футбольной звезды португальского происхождения. А в остальном просто копия голливудского обольстителя: жгучий брюнет, зализанные под ниточный пробор волосы, орлиный нос, ослепительная белизна гладко выбритого лица, и испепеляющий, как бы немного исподлобья, взгляд блестящих черных глаз. Сверкнув учтивой сахарной улыбкой, он припал губами к Ольгиной руке и, чуть задержав ее в своей, отступил назад. «Неужели поклон отвесит?» – с ужасом подумала Ольга. Но действительность превзошла ее опасения. Отступив, нереальный красавец заслонил лицо рукой, словно сраженный внешностью прекрасной собеседницы.

Ольга прикусила губу, сдерживая насмешливую улыбку. «Похоже, этот жест у него хорошо отработан. Ну и фрукт!». Но обидеть добрую Мануэлу, с очевидной серьезностью спланировавшей это знакомство, она не решилась. А так хотелось подыграть ему, растопырить пальцы, изображая развернутый веер, присесть в книксене, жеманно опустив глаза! Сдерживая желание насмешничать, Ольга приветливо поздоровалась и по-приятельски протянула ему расписную керамическую плошку с подсолненным миндалем.

– Угощайся, пока все не съела. Обалденно вкусно! Мануэла сказала, что это какой-то особый рецепт. Ешь и не наедаешься, только аппетит растет. По-моему с этим вином вполне сочетается.

– Такой портвейн полагается пить без закуски, – легкий

прищептывающий акцент придавал речи Тяго оттенок назидательности. – В Португалии этот напиток пьют только по особым случаям или на Рождество. Это же продукт на экспорт! А ты знаешь его историю?

«Похоже, зануда еще та. Но пусть уж лучше культуртрегерством занимается, чем глаза закатывает или позы принимает», подумала Ольга, а вслух сказала: «В общих чертах. Напомнишь подробности?».

Вопреки первому впечатлению, нереальный красавец оказался неплохим собеседником. И историю происхождения портвейна поведал, и рассказал, как по причине послевоенной изоляции удалось сохранить первозданный вкус местных продуктов. Напрягала только несколько экзальтированная манера излагать известные факты как только что сделанное лично им открытие. Может, это у него профессиональное? Как-то сразу в лоб не спросишь, может позже скажет, чем занимается?

По правде говоря, ее начинало тяготить общество лакированного красавца. Хотелось пообщаться, полюбоваться домом, которым так гордилась Мануэла, посмотреть на детей. Но Тяго не отпускал ее, болтал без умолку, рисовался, всячески стараясь удержать внимание и заслужить расположение. Вот удружила Мануэла!

– Спасибо, но больше я уже не могу, – томно выдохнула Ольга, принимая от португальца очередную наполненную закусками тарелочку. Легонько погладила себя по животу. –

Боюсь, что места не останется. Я так понимаю, что главное пиршество еще впереди, – взглядом показала на полуоткрытую дверь столовой, где всю хозяйничали женщины многочисленного семейства. Увиденное впечатляло.

На массивном дубовом столе, покрытым белоснежной скатертью, были расставлены кушанья. Запах остывающей хлебной мякоти прорывался сквозь растрескавшуюся корку бугристых караваев домашней выпечки. Кружки слегка запеченных помидоров скрывали ломти нежной сочной трески, щедро заправленной сладким репчатым луком. На их алой, с золотистым отливом мякоти призывно лоснились похожие на виноградины разбухшие черные маслины.

Захотелось облизнуться. «Вроде бы досыта закусками наелась, а тут такое... Вот уж не думала, что у меня такой волчий – нет, львиный! – аппетит разыграется. Даже в животе заурчало».

– Нет слов, красота просто первозданная. И вкус, видимо, соответствует, – сглотнула набежавшую слюну, но отвести взгляд от стола не сумела. Поставившая на стол очередное блюдо девушка перехватила ее взгляд и горделиво усмехнулась.

Блестящая глазированная поверхность керамического блюда – темно-голубая, с молочно-белыми затеками – проглядывала из-под ломтей нежнейшей телячьей печени. В середине стола, на ложе из листьев салата и нарезанных тонкими кружочками апельсинов красовался зажаренный на вер-

теле молочный поросенок, пугающий впечатлительных особ своей схожестью с живыми собратьями, словно прилегшими отдохнуть. Увы! – не хватит ни места, ни красок, чтобы описать буйство украшавших трапезу свежих и маринованных овощей, душистых фруктов, теснившихся на высоких хрустальных вазах, рассыпавшихся пестрых бусин семечек и соленых орешков – тыквенных, сосновых, миндальных, разноцветных зерен фасоли. Над всем этим великолепием гордо возвышались старинные фаянсовые подсвечники, сохранившие в своей незамысловатой цветной росписи очарование былых, спокойных и счастливых времен.

– Попробую догадаться, что ждет нас по завершении обеда, – заговорщицки понизив голос, галантный кавалер склонился к уху Ольги.

– Думаю, что тетушка приготовила свой фирменный десерт, нечто совершенно фантастическое. Взбитые яйца, мякоть кокосового ореха – но сам рецепт она хранит в секрете. Говорит, что это национальная сладость. Но я подозреваю, что без бразильского влияния здесь не обошлось, ведь кокос пришел в нашу кулинарию оттуда, – откинув назад голову, красавец Тьяго задумался.

Ольга невольно залюбовалась собеседником: «У него профиль просто безукоризненный, готовая реклама в винтажном стиле каких-нибудь элегантных причиндалов «для джентльменов», а вслух произнесла: – А я думала, что кокосовые пальмы на островах растут.

– Верно, ведь в самой Бразилии кокос появился из Африки, когда черных рабов массово завозили. Значит где-то не раньше XVI века.

Такого наплыва знаний Ольга не выдержала и уже не смогла удержаться от расспросов. Кокетливо отведя взгляд в сторону, протянула:

– Ну-у просто теряюсь в догадках! Чем же ты по жизни занимаешься? Этнограф? Или по гастрономической линии?

Тьяго загадочно улыбнулся, прищурившись («Боже, какие у него ресницы! Так и хочется потрогать – не наклейны ли») несколько секунд гипнотизировал собеседницу роковым взглядом. Убедившись, что она выстояла и не испепелилась, горестно вздохнул и произнес скучным голосом: «Я программист, в банке у дяди работаю». Добавил скороговоркой: «С детства люблю хорошо поесть». Но тут же встрепенулся, принял позу и, закрепив на лице обольстительную улыбку, поинтересовался: «Как правильнее сказать по-французски? Люблю хороший стол?»

– Именно так. Замечательное и вполне мужское качество,

– ободрила его Ольга. «Ну вот, и нормальный человек проклюнулся» – Значит, ты программист. Скажи, пожалуйста, а по компьютерам тебе вопрос задать можно?

– Тебе – да, – он развел руками, словно ведущий в цирке, объявляющий выход артиста. – Если твои вопросы не затронут моих профессиональных секретов.

– Боже упаси! – Ольга покосилась на собеседника, как бы раздумывая, стоит ли поднимать планку знакомства. – Просто я хочу купить новый ноутбук, старый глючит, зависает, новые программы с трудом переваривает... Коллега советует Macintosh, говорит, с вирусами проблем нет. А я повернутая на Windows. Что скажешь?

– Прежде всего надо определить уровень твоей компьютерной подготовки, чтобы говорить на понятном тебе языке, – назидательные нотки в его голосе усилились. Во взгляде красавца сквозила снисходительность маститого эксперта.

– То, что я знаю, для моей работы достаточно, – отпарировала Ольга. Вопрос был справедливым, но она с детства не выносила покровительственного тона. Смягчившись, пояснила: «В этом году закончила курсы для продвинутых пользователей».

– А, ну раз ты продвинутый юзер, тогда другое дело, – заметно обрадовался Тяго. Бережно донес до рта тарталетку с кальмаром, не уронив ни капли чернильной подливки на кипенно-белую рубашку. Прожевал, прикрыв глаза от удовольствия, и деловито обратился к Ольге: «Итак, твой вопрос: на чем остановить свой выбор? Я бы посоветовал операционную систему...»

– К столу, к столу! Прошу всех к столу, – захлопала в ладоши появившаяся среди гостей Мануэла. Оживленная, эффектно выглядящая в блестящем черном платье с разрезами она с удовлетворением скользнула взглядом по увлечен-

но беседующей паре. Похоже, ее план сработал...

Оказавшись рядом за праздничным столом, продолжили обмен мнениями о преимуществах и недостатках систем, о совместимости программ и энергоэффективности. Беседа носила плодотворный характер, но протекала неровно: все было так вкусно, что приходилось отвлекаться от темы. Как можно было не отведать приготовленных яств, как удержаться от восторженных восклицаний и комплиментов хозяйке? Ну, а божественный вкус фирменного десерта Мануэлы просто не поддается описанию! Видимо, она сама и кокосовую пальму вырастила, и тоже каким-то особенным, только ей известным образом...

* * *

– Превосходно провела время, – сообщила Ольга Матюше, которого разбудило возвращение хозяйки. Кот сел, сонно покачиваясь в попытке сохранить устойчивое равновесие и не съехать с пледа, покрывающего спинку дивана. Мохнатый шотландский плед был предварительно тщательно утоптан, согрет и принял форму кошачьего тела, в лежачем состоянии напоминавшего рыбу камбалу размера XXL.

– Наелась, напилась на неделю вперед, вкусно было – пальчики оближешь! – Ольга распахнула балконную дверь, развесила на вешалке сиреневое платье. Пусть проветрится, запахам съестного не место в шкафу. Скинув туфли, с наслаждением прошла босиком по паркетному полу.

– Но главное, – потрепала по загривку кота. – Теперь сама

смогу избавиться от хлама на компьютерном диске!

При мысли о том, что завтра не надо будет обращаться за помощью к коллегам, самолюбивая Ольга взбодрилась окончательно. Бросила взгляд в зеркало, осталась довольна увиденным. На эмоциональном подъеме все-таки решила проверить усвоенное. Включила компьютер и запустила программу. «Бинго!» Сработало без помех. Уснула с чувством глубокого удовлетворения. К утру образ прекрасного Тяго из памяти выветрился, а вот его объяснения остались. И очень пригодились впоследствии на работе.

Проводив последних гостей, восторги и благодарности которых невозможно было подозревать в неискренности, Мануэла собиралась было немного посидеть в саду, но, вспомнив что-то, поспешила вернуться. Дом постепенно погружался во тьму, но наверху, в спальне горел свет. Муж еще не спал и, отложив книгу, развернулся в сторону своей любимой и все еще очень аппетитной супруги, облаченной в розовую пену ночного одеяния. В его густых, слегка тронутых сединой усах пряталась довольная усмешка. Прекрасно проведенный день предполагал приятное завершение.

– Как хорошо, что ты еще не спишь, – не обратив внимание на явные намерения мужа, Мануэла энергично взбила подушку, села, подтянув к груди одеяло. – Вот послушай, что я тебе скажу. – Она погладила его протянутую руку, и словно ненароком, отвела ее от своей груди. – Ты, конечно, заметил, что Тяго все время не отходил от Ольги – помнишь, я тебе

о ней рассказывала...

По ходу подробного и эмоционально окрашенного повествования Рамиро издавал неопределенные звуки, свидетельствующие о борьбе со сном, из которой ему не суждено было выйти победителем. Он стойко – во всех отношениях – держался, но не умолкающая Мануэла окончательно свела на нет его попытки переключиться с вербального общения на тактильное.

– Рами, почему ты не отвечаешь? – Мануэла протянула руку и, не поворачивая головы, легонько похлопала мужа по плечу. Однако убаюканный нескончаемым словесным журчанием своей супруги Рамиро лишь перевернулся на другой бок и, пробормотав нечто невнятное, плотнее натянул на себя одеяло.

– Спит, – огорченно вздохнула Мануэла. – Когда же мы поговорить-то сможем? Стараюсь, как могу, но все-таки Тяго твой, а не мой племянник. Кто брату обещал о парне позаботиться, с хорошей девушкой познакомить? Девушки-то знакомятся, вот только родители всегда против. Слишком красив. Никто не верит, что Тяго надежный, честный, перспективный, хорошим мужем будет... а он так хочет семью, детей...

– И почему он на Ольгу не произвел впечатления? Вроде бы и понравились друг другу, поговорили, даже посмеялись вместе, но она болтала с ним как с подружкой. И дожидаться его не стала, одна уехала.

«А что, если... Если ее мужчины вообще не интересуют?» От такой мысли набожная Мануэла даже вздрогнула и быстро перекрестилась, прижав к губам большой палец. И еще долго лежала с открытыми глазами, перебирая в памяти события прошедшего дня.

* * *

– Слушай, начальник, давай я завтра в рейс пойду. Две ночи нормально не спал, голова плохая, – на заросшем иссиня черной щетиной лице водителя догорающими углями сверкнули глаза, прикрытые воспалёнными красными веками. – Когда погрузка – сплю, на светофоре стою – сплю. Ненормально это. Устал очень.

Переминаясь с ноги на ногу, Шаик мял натруженными руками кепку. Хронический недосып обесточил его буйный темперамент, голос звучал глухо. Он просительно взглядывал на откинувшегося в удобном кресле хозяина, который постукивал по столу пухлыми пальцами, привычно любясь блеском массивного золотого перстня.

Весенний солнечный свет, льющийя сквозь раздвижные шторы, растекался по отполированным поверхностям роскошного письменного прибора (аметистовая крошка, массивная бронза), скользил по захватанным пальцами экранам селектора и телефонов. Стены просторного офиса были увешаны многочисленными дипломами и грамотами, заботливо оформленными в дутые позолоченные рамки.

Диапазон деятельности сетевой транспортной компании

по перевозке стройматериалов впечатлял: разнообразные профильные дипломы и сертификаты, почетные грамоты от местных и столичных властей, благодарности от обществ по интересам. Среди прочих горячую признательность компании и лично ее главе выражали любители кактусов, фонд «Лейся, песня» и ассоциация адептов сыроядения.

Кинув взгляд на стоявшего у двери водителя, уважаемый бизнесмен раздраженно сморщился. – Устал, да? – переспросил с негодованием. – Устал, говоришь? А я не устал? А он, – тут хозяин кивнул на сидевшего у окна заказчика, который, в попытке удержать колыхающийся живот, сидел, широко расставив ноги, безучастно прислушиваясь к разговору, – не устал? Давай все вместе устанем, работать не будем, отдыхать все будем.

– Зачем такое говоришь? – покачав головой, цокнул языком водитель. – От работы никогда не отказывался. Просто рейс в ночь, долгий, одному нехорошо ехать. Осмелев, попросил: – Может, напарника дашь?

Хозяин выдержал зловещую паузу, для большей остроты выпучил глаза, сжал пальцы в кулак.

– Какой-такой напарник? Указывать мне вздумал? О чем вообще разговор, любезный? Ты как меня просил, умолял, когда сюда приехал? Работу дай, заработать дай, дома семья, дети, всем помогать надо. Знаешь, сколько вас таких приходит? Я тебя взял, права российские сделал, деньги даю, работу, а ты тут жаловаться пришел, отдохнуть желаешь? Гра-

фик за меня ставить будешь? Помощников требовать?

Он повысил голос до крика, но стены его офиса, расположенного на базе стройматериалов в ближнем Подмоскowie, были надежно звукоизолированы. Шум погрузочных работ просачивался в помещение лишь неясным гулом. Людей, оказавшихся снаружи, с непривычки оглушали рев моторов, лязганье, скрежет, гортанные выкрики грузчиков, но тем, кто привык решать свои разногласия горлом, они не мешали. Тихо здесь никто не разговаривал.

– Рейсы он менять будет! Водил выбирать! – Выпученные глаза владельца компании упорно не желали возвращаться в нормальное положение и все больше походили на пожелтевшие целлулоидные шарики.

– Не хочешь работать – никто тебя не держит, расчет бери и давай до свиданья! – Он сделал рукой жест, недвусмысленно показывающий, что разговор окончен и что Шаик должен немедленно освободить хозяина от своего присутствия. На мгновение водитель замешкался, однако, пробормотав что-то невнятное, вышел, подавив желание яростно хлопнуть дверью.

– Извини, дорогой, что пришлось отвлечься, – сияя любезнейшей улыбкой, обратился хозяин к своему посетителю, когда водитель вышел, – сам понимаешь, им милость делаешь, а они тебе сразу на голову садятся. Народ совсем совесть потерял, доброту не ценит! Столько людей каждый день приходит, все просят «дай работу, дай работу», все хо-

тят ко мне устроиться, — воздел руки вверх, призывая небесные силы в свидетели. — Конечно, я их понимаю, почему нет? У меня фирма солидная, репутацию имеем, не то что эти м...и, которые деньги получают, клянутся груз в срок доставить, а потом заявляют заказчику, что груз пропал, — он сокрушенно покачал головой, словно отказываясь верить сказанному. Искоса метнул взгляд на своего собеседника, проверяя его реакцию. — Какие люди бывают нечестные, а? Как поступают! Я даже поверить не могу! Клиент едет на указанный адрес, а там пусто — никакого офиса нет. Вот, даже по телевизору людей предупреждают...

Словно очнувшись от дремоты, толстый заказчик медленно перевел взгляд на велеречивого хозяина. Справедливо рассудив, что он уже достаточно осведомлен о милосердном и справедливом владельце компании, равно как и о ленивых и неблагодарных работниках и подлых конкурентах, потенциальный клиент решил перейти к делу, небрежно поинтересовавшись расценками. Последовавший затем красочный и артистичный восточный торг заслуживает отдельного описания, которым, впрочем, мы не станем утомлять читателя...

Пошатываясь и прикрывая рукой глаза от яркого дневного света, дальнобойщик вышел из конторы. Хотя какой он, по правде говоря, дальнобойщик... Дома, в горах он, как мог, справлялся с разбитым, но еще фырчащим трактором, а здесь, на чужбине, он даже и не пытался освоить ни управление этим громоздким чудищем, ни правила перевозок. Как

осваивать, если по-русски понимал плохо, а уж говорить или писать...

Тем не менее, звук стертых тормозных колодок он слышал отчетливо и собирался сказать об этом хозяину, но разговора не получилось. Самому себе признался, что побоялся не столько хозяйского гнева, сколько угрозы увольнения. Какое, к дьяволу, увольнение, когда еще не заработал и половины тех денег, без которых лучше не возвращаться. Сыну свадьбу справить, долг свояку отдать, да и дочь невеста уже, им с женой золота прикупить надо, а то обижаться начали, говорят, как перед родней, на людях показаться... Белая грязная собака обогнала Шаика, стараясь держаться от него на безопасном расстоянии. Едой от этого человека не пахло, а опасность получить пинок она почувствовала отчетливо.

Уже в кабине самосвала Шаик вспомнил, что не проверил бортовые крепления, горкой насыпанная щебенка была сверху прикрыта, но борта с трудом сдерживали стихию рвущейся наружу колышущейся массы. Вылезать из машины, однако, не стал. Ноги сковала свинцовая усталость, мыслей никаких не было, тупое безразличие охватило все его существо. Повернул в замке ключ зажигания, рванул на себя ручку коробки передач и мощный большегруз с надсадным ревом выскочил из раздвинувшихся ворот.

* * *

Долгий весенний день клонился к закату и часа через полтора начало темнеть. Машин на привычной трассе бы-

ло немного, дорогу недавно отремонтировали и она плавно струилась под колесами, коварно соблазняя водителей прибавлять скорость. Шаик непрестанно зевал, отгоняя наползавшую, как болотный туман, сонливость. Перед выездом с базы знакомая сердобольная учетчица насыпала ему леденцов, твердых, как прибрежная галька, сверху положила кислых зеленых яблок. Шаик кивком поблагодарил, но кулек не взял. Какой уважающий себя кавказец будет есть на ходу, да еще незрелые, вязкие на вкус подмосковные фрукты?

Зевнув до хруста, потянулся, прибавил звук отчаянно хрипевшего радио, искал какую-нибудь музыку повеселее. Внутри что-то негромко щелкнуло и радио умолкло. В раздражении он ударил кулаком по щитку, подергал свисающие провода. Все было напрасно. Выругался, но как-то вяло, без облегчения. В кабине повисла тишина. Поскорей, поскорей бы доехать до места, разгрузиться и спать, спать, спать... Сдерживая зевоту, напряженно вглядывался в отчего-то странно пританцовывающую дорогу. Уже плохо сообщая, что происходит, попытался резко объехать почему-то выскочивший на дорогу указатель и прибавил газу.

Колышущаяся масса щебенки дождалась своего часа и с оглушающим шумом рухнула вниз, когда самосвал, не снижая скорости («Давай, давай – почти лежа на руле и отчаянно борясь со сном, подбадривал себя Шаик одним из немногих знакомых ему русских слов) вырулил на основную дорогу, перегородив путь мчавшимся автомобилям. В долю секунды

испарилась липкая дремота, все тело пронзила нестерпимая судорога. Оттолкнув от себя руль, Шаик выскочил из кабины и, зажав голову руками, бросился в придорожный кустарник. Клаксон фуры заклинило, и брошенная машина выла как живое существо, оповещающая о случившейся трагедии...

Людские крики и стоны, скрежет смятых машин, нарастающий грохот рассыпающего дроблёного камня слились в чудовищную какофонию, от которой стыла в жилах кровь. Истерически рыдали женщины, тонкий детский плач перекрывала грубая ругань, но кто-то уже вызывал спасателей, ставил ограждения, накрывал пострадавших и старался увести в сторону детей. Плотное, удушающее облако оседающей щебенки нависло над местом катастрофы.

Перекрыть трассу удалось не сразу, на встречных направлениях образовался многокилометровый затор, который с трудом, во всеоружии звуковой и световой сигнализации пробивали аварийно-спасательные машины и кареты скорой помощи. С подветренной стороны зависла гигантская стрелкоза вертолета МЧС, и уже скользили по канатам спасатели, распаковывая, едва коснувшись земли, оборудование. Помощь пришла, но счет шел на минуты, и ставкой была человеческая жизнь...

В ближайшем выпуске телевизионных новостей взволнованный диктор сообщил о страшной аварии на трассе. В Интернете вывесили список погибших и раненых. Многих пришлось госпитализировать, состояние троих пострадав-

ших оценивали, как критическое. В их числе был сибирский предприниматель Сергей Николаевич Апраксин.....

* * *

Уложив Колю и прикрыв дверь в комнату Софьи Дмитриевны, Катя прошла в кухню. Присела на диванчик около свернувшейся клубком Редиски и задумалась. Прошло несколько месяцев после отъезда Ольги. Подруги регулярно переписывались, иногда разговаривали по телефону. Кате казалось, что, не отыскав родных, Ольга смирилась с неудачей, ведь к концу пребывания в Москве она как-то повеселела, особенно перед отъездом. Но в последнее время у Кати все чаще возникало неясное тревожное чувство. Похоже, у Ольги что-то произошло. По переписке жизнь как будто в норме, работает, в Исландию на симпозиум слетала, но в последнее время ее голос, будто покрытый ледовой коркой, звучал неестественно.

Расспрашивать Катя не решилась. Женевская подруга – человек довольно закрытый, да и тема болезненная, не для заочного обсуждения. Надо бы встретиться, поговорить. Но как? В Россию Ольга пока не собирается, хотя в гости к себе зовет постоянно – и в Женеву, и в Испанию. Только вряд ли получится. Пару недель Катя могла бы еще выкроить, летом у Коли каникулы, но как оставить одну Софью Дмитриевну? Она в последнее время заметно сдала, даже к кулинарным рецептам стала равнодушна. А перелеты, не говоря уже о смене климата, врач категорически исключил, да и сама

она никуда, кроме дачи, ехать не желает.

Конечно, элементарное любопытство имело место быть, но по-настоящему Катю тревожило другое: она не могла избавиться от чувства вины. Привыкшей все брать на себя Кате казалось, что она несет определенную ответственность перед подругой: ведь это она уговорила Ольгу не ехать в Домск и прекратить контакты с лже-Капустиным.

Поступила правильно, сомнений нет, но даже представить трудно, какая пустота теперь в душе у Ольги, ведь потеряна надежда. А без надежды никак... Если она и отважится еще раз попробовать, то не сразу, хотя со временем еще сложнее будет. И так столько воды утекло, да и умирают люди...

И вдруг Катю осенило. Зачем ждать, пока Ольга наберется решимости продолжить поиски? А что, если она сама попробует отыскать Ольгиных родственников? Катя звонко шлепнула себя по лбу – вот тетеря, как же эта мысль не приходила ей в голову раньше?

Поразмыслив, она решила для начала поговорить с Вадимом – его мать Инга Леонидовна работала в обществе Красного Креста, там занимаются поиском пропавших. На ее помощь Катя особенно не надеялась, хотя у Вадима с матерью прекрасные отношения, и если бы он попросил помочь...ну хотя бы пусть просто подскажет порядок оформления запроса. Или посоветует, как связаться с теми, кто искал родственников, может, люди поделятся опытом. Напрямую к Вадиму с такой просьбой лучше не обращаться, но подходящий слу-

чай вскоре представился.

Прекрасным летним вечером, когда даже в загазованном московском воздухе сквозит запах цветущих лип, Катя и Вадим медленно шли по набережной Яузы. Домашние уехали на дачу, концерт приезжей джазовой знаменитости, после которого они направились домой к Кате, превзошел ожидания – и оправдал Катины траты, и эта вечерняя умиротворенная прогулка казалась иллюстрацией счастливой семейной жизни.

Наш вальяжный дизайнер был в отличном расположении духа. Поддерживая под локоть свою спутницу, Вадим увлеченно рассказывал ей свои новости, время от времени взмахивая левой рукой, чтобы подчеркнуть то впечатление, которое, судя по его словам, произвел на потенциального заказчика его проект убранства холостяцкого лофта.

– Вообрази – хоть и в погонах, но оказался не совсем сапог, смог оценить уникальность моего стилистического решения. Хотя, в итоге, думаю, что сработал базовой фактор. Ведь что в нашем деле главное? Правильно – понравиться заказчику!

Катя слушала внимательно, ритмичные прикосновения ее тела приятно щекотали воображение, меню ожидавшего ужина полностью учитывало вкусы Вадима (отбивные, картошечка с огорода, салат, заправленный нежнейшим майонезом Катиного приготовления). Плотно улыбаясь, он развернул к себе спутницу, с затяжкой поцеловал ее.

Нет, все-таки он правильно поступил, позволив Кате присутствовать в его жизни. Мама, бесспорно, права: среди знакомых можно было выбрать женщину моложе, красивее, наконец, обеспеченнее. Однако Кате следовало отдать должное, она обладала рядом ценных качеств – она его понимала, на свободу не посягала, сама зарабатывала, да и по части основного инстинкта была далеко не худшим вариантом.

В конце концов, родила ему сына, и неплохо его воспитывает. О ее статусе он предпочитал не задумываться. Ну какой там статус, чесслово? Ни рождение ребенка, ни длительный срок их отношений не казались Вадиму основанием для изменения в своих анкетах графы «семейное положение». Само слово «жена» он считал допотопным, вульгарным и совершенно не отвечающим духу времени.

– Вадик, – Катя промокнула выплеснувшийся на поднос кофе, поставила на стол кувшинчик с горячим молоком. – Я хотела кое о чём тебя попросить.

– Все, что захочешь, дорогая, – шурясь со сна, радостно отозвался любимый человек. Он пребывал в отличнейшем расположении духа. Ночью расслабился по полной, и собой, и Катей остался доволен. Правда, партнерша на сей раз была холодновата, но это лишь обострило его желание и придало особую пикантность сексу. Притом он прекрасно, со вкусом выпался! Но утром сладкое послевкусие исчезло, вернее его прогнала Катя своей неуместной просьбой. Вадим поскуцнел, и не смог справиться с подступившим раздражением.

– Понимаешь, – сказал недовольно, отстраняясь от прижавшейся к его плечу Кати, – как-то не хотелось бы подключать мою маму. Ты даже не представляешь, как она устает на работе, какая на ней лежит ответственность! Кроме того, она человек сложный, обстоятельный, ее будут интересовать мельчайшие подробности, начнутся переживания. А ведь она гипертоник! Немолодой уже, глубоко нездоровый человек, – откинув голову, он укоризненно посмотрел на Катю.

Прочувственно вздохнув, Вадим и сам на мгновение поверил в нарисованную картину, хотя Инга Леонидовна, яркая, гиперактивная, отчаянно молодящаяся дама, вряд ли узнала бы себя в описании сына.

Катя растерянно молчала. «Ну зачем он так? Речь ведь шла не о помощи, а просто о» – Катя замешкалась, подбирая нужное слово – «ну, скажем, о небольшом одолжении. В чем трудность-то?»

– Твоя швейцарская приятельница взрослая и самодостаточная женщина, наверняка приученная самостоятельно решать свои проблемы. Не сомневаюсь, что она и средствами для этого располагает. Знаешь, я просто не могу тебя понять, – он раздраженно отбросил в сторону скомканную льняную салфетку.

Салфетки из бумаги Вадим считал «плебейским атрибутом. Катя особой проблемы в этом не видела – мало ли какими причудами люди мучаются? – поэтому при их совмест-

ной трапезе стол был всегда накрыт скатертью, а слева от тарелки лежал мягкий полотняный треугольник. —Бесспорно, близкие люди вправе рассчитывать на тебя, но тратить время, так возбуждаться из-за какой-то дальней знакомой...

Катя молчала, но по выражению ее лица Вадим понял, что продолжать не следует. Он пожал плечами и, сохраняя обиженный вид, положил себе на тарелку оставшиеся в миске сырники, зачерпнул сметаны. С творожных кругляшек, сквозь запечённую корочку которых выглядывали темные изюминки, медленно сползали густые белые потеки. Почти семейный воскресный завтрак закончился в тишине.

* * *

Вадим появился в жизни Кати в тяжёлый для неё период: в больнице медленно угасал безнадёжно больной отец, а привыкшая видеть в муже опору Софья Дмитриевна совершенно растерялась и никак не могла собраться с духом, чтобы признать новую реальность. Теперь они с дочерью могли рассчитывать только на собственные силы и обходиться весьма ограниченными средствами.

Самоотверженно любившая отца Катя, бледная от постоянного недосыпания, ежедневно навещала его, возвращаясь домой только к полуночи, забываясь коротким сном в ярко освещенных подрагивающих вагонах столичного метро.

Однажды она уснула крепче обычного и её не сразу разбудил сидящий рядом попутчик, чьё плечо послужило Кате подушкой. Попутчик был молод, вежлив и его закрывающие

шею шелковистые каштановые волосы были чисто промыты и отливали рыжеватым оттенком. Прощаясь у Катиного подъезда (11-этажная кирпичная башня возвышалась в двух шагах от станции метро), они договорились встретиться на следующий день, чтобы вместе отправиться в больницу. Вадим сдавал там анализы на тревожащую его аллергию и на этот раз намеревался ехать на другой конец города на машине.

Катя быстро привязалась к обходительному и неторопливому дизайнеру. Среднего роста, склонный к полноте, слегка раскачивающийся при ходьбе он казался влюбленной девушке неуклюжим медвежонком – сходство усиливала модная трехдневная щетина на щеках – который вот-вот вырастет и станет защитником и добытчиком для девочки Маши, т.е., конечно, для девушки Кати.

Однако милый неповоротливый медвежонок быстро превратился в довольно корпулентную взрослую особь, обладающую устойчивым здоровым аппетитом, в том числе и сексуальным, но привычек детули менять не собирался. Вечный мальчик в глазах обожавшей его матери и двух одиноких теток, он не сомневался в том, что сам факт его существования делает окружающих счастливыми. К примеру, мысль о том, что Катя может его оставить, ему просто не приходила в голову. Вадим охотно позволял любить себя, был не груб, обходителен, и в хорошем расположении духа являл собой море обаяния.

«Ах ты, плюшевый мишка», шептала Катя в минуты нежности, и Вадим томно урчал от удовольствия, прекрасно чувствуя себя в этой роли. Столичный специалист по обустройству жилья был начитан, неплохо образован, с ним было интересно, а если не спешил рассчитывать, позволяя платить порывистой Кате, то происходило это от рассеянности, свойственной творческим личностям. Так, по крайней мере, убеждала себя Катя.

Беременность Кати он приветствовал, хотя именно в это время Вадиму поступил срочный заказ из Каромы, где пришлось пробыть несколько месяцев. Вернулся уставшим, измотанным, был вынужден, по настоянию Инги Леонидовны, пройти курс реабилитационного лечения в Кисловодске. Лечебный массаж, кислородные ванны, прогулки на целебном курортном воздухе. Разве есть что-то важнее здоровья? Кто хочет с этим поспорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.